

УДК 351.751.5(476)

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТА СТАЛИНА В БССР В 1934–1939 гг.

А. А. ГУЖАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

С привлечением архивных источников, периодических изданий и трудов современных исследователей рассмотрено формирование культа Сталина в Советской Белоруссии. Немногочисленные работы, появившиеся во время двух волн десталинизации – во второй половине 1950-х – 1960-е гг. и во второй половине 1980-х – 1990-е гг., – не раскрыли феномен культа вождя в БССР. В них были лишь обозначены контуры данной проблемы, без прояснения ее сути, конкретных форм проявления и последствий. Рассматривается период от XVII съезда ВКП(б), когда культ начал активно формироваться, до 60-летнего юбилея Сталина, когда почитание вождя достигло своего пика. Дополненный неограниченным насилием, культ не менее эффективно, чем марксистская доктрина, мобилизовал общество на поддержку советского тоталитарного режима. Культ вождя коренился в традиционном, архаическом обществе и имел иррациональные начала, что наглядно иллюстрировала вся советская политическая культура. Главным инструментом его конструирования была партийная бюрократия – подлинный правящий класс советского общества. Культ внедрялся с помощью пропагандистской машины и представлял, по сути, государственную религию с собственными священными текстами, догматами, ритуалами, обрядами, праздниками и святынями. По указанию и под контролем партийного руководства образ харизматического вождя целенаправленно формировался на протяжении второй половины 1930-х гг. с помощью средств массовой информации, литературы, искусства, а также учреждений образования.

Ключевые слова: культ Сталина; Советская Белоруссия; партийная бюрократия; тоталитарный режим; средства массовой информации; литература; искусство; юбилей; государственная религия.

ФАРМІРАВАННЕ КУЛЬТУ СТАЛІНА Ў БССР У 1934–1939 гг.

А. А. ГУЖАЛОЎСКИ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

З прыцягненнем архіўных крыніц, перыядычных выданняў і прац сучасных даследчыкаў разглядаюцца фарміраванне культа Сталіна ў Савецкай Беларусі. Нешматлікія працы, якія з’явіліся падчас дзвюх хваль дэсталінізацыі – у другой палове 1950-х – 1960-я гг. і ў другой палове 1980-х – 1990-я гг., – не раскрылі феномен культа правадыра ў БССР. У іх былі толькі пазначаны контуры дадзенай праблемы, без высвятлення яе сутнасці, канкрэтных форм праяўлення і наступстваў. Разглядаецца перыяд ад XVII з’езда ВКП(б), калі культ пачаў актыўна фарміравацца, да 60-гадовага юбілею Сталіна, калі шанаванне правадыра дасягнула свайго піка. Дапоўнены неабмежаваным гвалтам, культ не менш эфектыўна, чым марксісцкая дактрына, мабілізаваў грамадства на падтрымку савецкага таталітарнага рэжыму. Культ правадыра паходзіў з традыцыйнага, архаічнага грамадства і меў ірацыянальныя пачаткі, што наглядна ілюстравала ўся савецкая палітычная культура. Галоўным інструментам яго канстрування была партыйная

Образец цитирования:

Гужаловский АА. Формирование культа Сталина в БССР в 1934–1939 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:57–67.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-57-67>.

For citation:

Huzhalouski AA. Formation of Stalin’s cult in Soviet Belarus in 1934–1939. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:57–67. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-57-67>.

Автор:

Александр Александрович Гужаловский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Author:

Alexander A. Huzhalouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history.
huzhalouski@gmail.com

бюракратыя – сапраўдны кіруючы клас савецкага грамадства. Культ укараняўся з дапамогай прапагандысцкай машыны і ўяўляў сабой, па сутнасці, дзяржаўную рэлігію з уласнымі свяшчэннымі тэкстамі, дагматамі, рытуаламі, абрадамі, урачыстасцямі і святынямі. Па ўказанні і пад кантролем партыйнага кіраўніцтва вобраз харызматычнага правадыра мэтанакіравана фарміраваўся на працягу другой паловы 1930-х гг. з дапамогай сродкаў масавай інфармацыі, літаратуры, мастацтва, а таксама ўстаноў адукацыі.

Ключавыя словы: культ Сталіна; Савецкая Беларусь; партыйная бюракратыя; таталітарны рэжым; сродкі масавай інфармацыі; літаратура; мастацтва; юбілей; дзяржаўная рэлігія.

FORMATION OF STALIN'S CULT IN SOVIET BELARUS IN 1934–1939

A. A. HUZHALOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

On the basis of archival sources, periodicals and contemporary research works, consolidation of Stalin's cult in Soviet Belarus is presented in the article. The few works that appeared during the two waves of de-Stalinization – in the second half of the 1950 – 1960s and in the second half of the 1980 – 1990s – did not reveal the phenomenon of the cult of the leader in Soviet Belarus. They only indicated the contours of this problem, without clarifying its essence, specific forms and consequences. The author gives an opportunity to a reader to examine the period from the 17th Congress of the CPSU(b), when the cult began to actively develop until the 60th anniversary of Stalin, when he reached his zenith. Supplemented by unlimited violence, the cult of Stalin was as effective as the Marxist doctrine to mobilize the society for support of Soviet totalitarian regime. The cult origin was rooted in a traditional, archaic society. It had irrational nature, what reflected the entire Soviet political culture. The main tool for leader's cult construction was the party bureaucracy, true ruling class of Soviet society. The cult was introduced through the propaganda machine and was essentially a state religion with its own sacred texts, dogma, rituals, rites, holidays, and shrines. Under the direction and control of the party leadership, the image of a charismatic leader – the father, the teacher, the creator of a brighter future was purposefully formed during the second half of the 1930s with the help of media, literature, art, and educational institutions.

Keywords: cult of Stalin; Soviet Belarus; party bureaucracy; totalitarian regime; mass media; literature; art; anniversary; state religion.

Сталіну мы скажам: родны, блізкі,
Мы гатовы ўсе – ты нас бяры!
П. Броўка. *Самае шчаслівае*. 1936.

Введение

Сталинский период новейшей истории Беларуси и культ личности вождя как его важнейшая часть оставили после себя сложное, противоречивое и во многом травматическое наследие. С 1929 по 1953 г. средства массовой информации, кино, театр, литература и изобразительное искусство представляли Сталина как всемогущего, всезнающего, непогрешимого лидера, и этот образ прочно вошел в белорусское массовое сознание. Немногочисленные работы, появившиеся во время двух волн десталинизации – во второй половине 1950-х – 1960-е гг. [1, с. 160; 2, с. 26; 3, с. 99] и во второй половине 1980-х – 1990-е гг. [4, с. 139; 5, с. 5; 6, с. 85], – не раскрыли феномен культа вождя в БССР. Их авторы лишь обозначили контуры данной проблемы, не прояснив ее сути, конкретных форм проявления и последствий.

Между тем зарубежные исследования культа Сталина обширны и охватывают большой круг научных дисциплин, включая историю, политологию,

социологию, психологию и др. Ученые обсуждают происхождение культа, его иерархию, практики распространения, визуальные образы и культовое мышление. Впервые попытка осмысления феномена культа Сталина была предпринята современными критиками его режима [7, с. 136–213]. Кремленологи выдвинули тезис о том, что культ вождя являлся центральным элементом сталинизма, неотъемлемой частью власти коммунистической партии и одной из наиболее характерных черт советской цивилизации [8]. Понимание культа Сталина было развито учеными-гуманитариями на страницах большого числа работ, посвященных политическим, социальным и культурным аспектам советской истории. Ключевые тексты, раскрывающие данную тему, вышли из-под пера исследователей политической истории [9, с. 151–182; 10, с. 167–186; 11–13], искусствоведов [14; 15], социальных историков [16], историков детства [17], литературоведов [18], поли-

тических психологов [19]. В последнее время корпус исследований советского тоталитаризма пополнили серьезные работы, посвященные изучению региональных аспектов культа вождя [20].

В статье предпринята попытка проанализировать феномен культа Сталина, показать основные механизмы его установления в БССР в период между XVII съездом ВКП(б) и празднованием 60-летия вождя. В качестве методологической основы использовано сформулированное Н. А. Бердяевым понимание марксистского учения как квазирелигиозного [21, с. 47]. Эту мысль развил М. Элиаде, который концептуально противопоставил линейному, мирскому времени круговое, священное. Последнее он связывал не только с архаическими культурами, но и с реализацией марксистской утопии, кото-

рая ставила своей целью построить общество, созвучное мифологическим мечтам о золотом веке. К. Маркс, по мнению М. Элиаде, только усложнил этот распространенный в архаических культурах миф мессианской идеологией иудеохристианства – ролью проповедника-пролетариата, спасительная миссия которого приведет к последней схватке между Добром и Злом и окончательной победе Добра [22, с. 171]. Если признать, что большевизм представлял собой квазирелигию, то появление нового политического квазибога было неизбежно. С. Себаг Монтефиоре так передает характерный диалог Сталина с М. А. Шолоховым, во время которого писатель начал критиковать чрезмерные похвалы в адрес вождя. Сталин в ответ хитро улыбнулся и ответил: «Что я могу сделать? Людям нужен бог» [23, с. 155].

Средства массовой информации

Начало полномасштабного культа Сталина обычно связывают с XVII съездом ВКП(б), который состоялся в январе – феврале 1934 г., долгое время носил название «Съезд победителей», а сегодня все чаще упоминается как «Съезд расстрелянных». Именно он обеспечил верховному партийному чиновнику всю полноту власти и свободы действий, в том числе конструирование собственного культа.

БЕЛТА в своем сообщении из Москвы так передавала царившую во время открытия XVII съезда атмосферу: «Съезд стоя приветствует вождя непобедимой партии Ленина. Овации, прерываемые возгласами делегатов: “Да здравствует наш Сталин!”, “Ура Сталину!” – тянутся долгие минуты: они утихают лишь на мгновение, чтобы с новой силой загреть под гулками сводами зала»¹ (здесь и далее перевод наш. – А. Г.). Культ подогревался ближайшим окружением вождя – Л. М. Кагановичем, К. Е. Ворошиловым, К. Б. Радеком, Н. И. Бухариным. Последний в своем выступлении на съезде применял такие эпитеты, как «фельдмаршал пролетарских сил», «лучший из лучших» и др.

За новыми веяниями в Москве внимательно следила белорусская республиканская партноменклатура. Открывая пленум ЦК в Минске в декабре 1934 г., второй секретарь ЦК КП(б)Б Д. И. Волкович назвал Сталина «величайшим гением, лучшим из лучших ленинцев, вождем и учителем мирового пролетариата»².

Имя Сталина активно использовалось в качестве мобилизационного ресурса второй пятилетки. Наряду с присвоением его промышленным предприятиям и колхозам было развернуто соревнование за наименование в честь вождя производствен-

ных бригад. В 1935 г. подобных сталинских бригад в БССР насчитывалось 56, в них числилось 723 ударника³. На состоявшемся в Гомеле слете сталинских бригад были награждены бригада землекопов имени Сталина кирпичного завода № 2 г. Бобруйска, а также отделение имени Сталина в N-ской полковой школе. Всеобщее внимание привлекала молодежная женская бригада проводниц имени Сталина поезда Минск – Днепропетровск⁴. Новой мобилизационной инициативой 1934 г. стал Всесоюзный производственный поход имени Сталина.

Журналисты стремились вдохновить читателей и одновременно засвидетельствовать свою преданность вождю с помощью псевдонимов, производных от его имени. Так, в середине 1930-х гг. творческий псевдоним «Стальной» избрал литсотрудник редакции газеты «Звезда» В. Д. Пархимович.

К середине 1930-х гг. окончательно закрепляется взгляд на прессу как на коллективного пропагандиста, агитатора и организатора. В результате практически все содержание СМИ приобрело пропагандистский характер и было направлено на укрепление существовавшей политической системы, а также идеологическое воспитание масс. Печать выступала в качестве мощного фактора воздействия на сознание и поведение людей, направляя его в заданное русло. Например, белорусская комсомольская газета предлагала следующую модель совместного гармоничного отдыха молодежи и старшего поколения: «Старый мастер прищурился, подошел к молодым учителям, которые пришли читать газеты, и попросил: “Почитай, сынок, слова Сталина”»⁵. Республиканский женский журнал давал своей аудитории пример любви к вождю с помощью интервью с его

¹Чырвоная змена. 1934. 28 студ. (№ 22). С. 1.

²Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7617. Л. 1.

³Гарэлік. Злёт ударнікаў сталінскіх брыгад // Звезда. 1935. 5 мая (№ 101). С. 4.

⁴П. Д. Другі рэйс // Работніца і калгасніца Беларусі. 1934. № 13. С. 10.

⁵Рудзько Ю. Школа ля мяжы // Чырвоная змена. 1934. 1 сак. (№ 48). С. 2.

матерью – Е. Г. Джугашвили («в ее взгляде – и ласка, и гордость»⁶). Главная белорусская партийная газета объясняла читателям, что образ вождя должен сопровождать не только производственную и общественную сферы их жизни, но и частную: «Семья стахановца-формовщика минского завода имени Ворошилова И. В. Мурашко живет на Надеждинской улице в квартире из трех комнат, с кухней и передней. В комнатах чисто и уютно. Со стены, улыбаясь, смотрит дорогое лицо самого близкого и любимого человека – Сталина»⁷.

С другой стороны, неверная интерпретация факта или события, связанного с диктатором, либо ошибка в написании его имени могли стать роковыми для журналистов. Так, на заседании бюро ЦК КП(б)Б, которое состоялось 14 декабря 1935 г., рассматривался вопрос «Об искажении фамилии Сталина в Ушачской районной газете». По итогам обсуждения члены бюро приняли строго секретное постановление, согласно которому был снят с должности редактор газеты. Наркому внутренних дел БССР И. М. Леплевскому было поручено начать расследование инцидента в целях привлечения виновных к суровой ответственности⁸.

С. Дэвис, анализируя массовые коммуникации в СССР второй половины 1930-х гг., констатировала появление «языка культа» [24, р. 178]. Так, начиная с 1935 г. в официальном дискурсе имя «Сталин» нужно было применять в сопровождении эпитетов, восхвалявших его гений, мудрость и дар предвидения. Наметились основные характеристики культа, такие как присвоение Сталину всех экономических и социально-политических достижений в стране, обязательное цитирование и всенародное изучение его выступлений и печатных работ, официальный статус соратника и продолжателя дела Ленина. Но в подобном возвеличивании вождя крылась опасность исчезновения его человеческого измерения. Поэтому одновременно с обожествлением культивировался «народный», простой образ диктатора. С этой целью газеты публиковали впечатления участников неофициальных встреч со Сталиным в Кремле. В одном из подобных театрализованных мероприятий участвовала делегат II съезда колхозников-ударников в Москве, заместитель председа-

теля колхоза «Красные Скориничи» Минского района, член ЦИК БССР К. Я. Кульба. Она так передала корреспонденту белорусского женского журнала их диалог с вождем:

– Ну, белоруска, расскажите, как у вас рабоботают? Мне очень нравятся белорусы.

Я от волнения не знала, что говорить, и ответила ему:

– Какой же вы простой, товарищ Сталин!

А товарищ Сталин у меня спрашивает:

– А у вас еще не так просто?

Я сказала, что у нас еще есть председатели колхозов не такие простые. Тогда товарищ Сталин и говорит мне:

– Товарищ Кульба, когда поедешь домой, ты скажи не только в своем колхозе, но и в других, чтобы и там было так просто. (Громкие аплодисменты)⁹.

«Народную» маску значительно дополнял образ рачительного отца. Этот образ пропаганда начала активно формировать после выступления Сталина 4 мая 1935 г. перед красными командирами, на котором он призвал бережно относиться к кадрам. В БССР формированию «отцовского» измерения культа поспособствовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 2 августа 1937 г. «Об оказании помощи колхозному крестьянству Белорусской ССР и о ликвидации последствий вредительства в деле колхозного устройства». Имея агрессивно-воинственную констатирующую часть, где политика террора в отношении крестьянства объяснялась происками польских шпионов в облике нацдемов, постановление содержало и хорошую новость. Союзное правительство «по инициативе товарища Сталина» давало колхозам и единоличникам Советской Белоруссии льготы по поставкам сельхозпродукции и налогам, а также списывало все недоимки 1935–1936 гг.¹⁰ Сразу после выхода постановления «Об оказании помощи колхозному крестьянству Белорусской ССР...» в республиканских СМИ развернулась кампания по выражению индивидуальной и коллективной благодарности за нее «лучшему другу белорусских колхозников». Белорусская кинохроника посвятила этому кинозарисовку «Сталинский декрет»¹¹.

Сталинская Конституция

В феврале 1935 г. под руководством Сталина началась работа над текстом новой Конституции, которая должна была засвидетельствовать построение в СССР социализма. В вынесенном на обсуж-

дение в июне 1936 г. проекте Конституции речь шла о предоставлении всем гражданам страны, включая «лишенцев», равных избирательных прав при прямом тайном голосовании. В тексте проекта

⁶Гутарка з маткай таварыша Сталіна // Работніца і калгасніца Беларусі. 1935. № 20. С. 1.

⁷Гасман Н. Радасна спаткаем свята // Звязда. 1936. 24 кастр. (№ 245). С. 4.

⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7794. Л. 47.

⁹Кульба К. Я. Я гаварыла з таварышом Сталіным // Работніца і калгасніца Беларусі. 1936. № 2. С. 5.

¹⁰Сталінская дапамога беларускаму народу // Звязда. 1937. 4 жн. (№ 178). С. 2.

¹¹Кінонарыс «Сталінскі дэкрэт» // Звязда. 1937. 8 кастр. (№ 232). С. 4.

декларировались права на труд и отдых, образование и материальное обеспечение в старости. Кроме того, провозглашались свобода совести, слова, печати, собраний и митингов, неприкосновенность личности и тайна переписки.

СМИ формировали впечатление того, что обсуждение названной в честь ее главного редактора Конституции шло по собственной инициативе рабочих: «В теплой товарищеской обстановке, за чашкой чая, на квартире старого рабочего Добрушской бумажной фабрики “Герой труда” т. Дробаденова собрались рабочие на обсуждение проекта сталинской Конституции»¹². Иногда «спектакль» обсуждения по инициативе наиболее ярких пропагандистов приобретал радикальные формы. Например, орденоседец, овцевод колхоза «Октябрь» Дриссенского района В. А. Ганус пообещал за Конституцию «отдать жизнь»¹³, а научный работник Белорусского политехнического института, инженер М. Е. Глусский был готов отстаивать сталинскую Конституцию «своей кровью»¹⁴.

Кульминационной точкой пропагандистской кампании под названием «обсуждение сталинской Конституции» стало принятие основного закона 5 декабря 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. В первый день съезда с программной речью о проекте новой Конституции СССР выступил Сталин. План партийного руководства предусматривал массовое коллективное прослушивание по радио доклада вождя на производстве, в рабочих клубах, партаудиториях и даже на квартирах:

«В красивой уютной комнате т. Каждана сегоднялюдно. К своему парторгу пришли на квартиру девять стахановцев минской фабрики имени Кагановича, чтобы слушать по радио исторический доклад вождя народов т. Сталина.

– Медленно движется минутная стрелка, – говорит Фаня Яковлевна, жена т. Каждана.

Розочка Мардукович, ученица 5 класса 12-й школы, ближе пододвигается к громкоговорителю. – Все буду слышать, – хвастается она. Пятилетняя Маня Шапиро спрашивает мать:

– Мама, это дедушка Сталин говорит?

Стену украшает картина XVIII съезда партии. Вот он, серьезный, простой, самый близкий, мудрый Сталин на трибуне, как и сегодня там на Съезде в Большом Кремлевском дворце. Все смотрят на портрет вождя. Они чувствуют себя заочными делегатами Съезда. Ровесница Октября, стахановка Геня Эстэрман с восхищением говорит:

– Как хорошо было бы сидеть близко возле Сталина. Видеть и слышать его – это моя мечта.

Говорит Сталин, слушают внимательно, с увлечением.

– Как просто и ясно говорит, – замечает стахановка Якимашко.

Доклад закончен. Вместе с делегатами поют “Интернационал” и аплодируют слушатели в небольшой комнате на Интернациональной, 26. Долго после доклада не расстаются, делятся впечатлениями»¹⁵.

Подобный пропагандистский прием – коллективное прослушивание радиотрансляции речей Сталина – активно использовался и в дальнейшем. Воздействие на население с помощью живого голоса вождя усиливалось изданием его докладов массовыми тиражами в виде отдельных брошюр. Так, выступление генерального секретаря на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. вышло в Белорусском государственном издательстве 100-тысячным тиражом на русском и белорусском языках. По словам исполняющего обязанности первого секретаря ЦК КП(б)Б А. А. Волкова, в республике было создано 13 тыс. кружков по изучению сталинской Конституции, где занималось до полумиллиона человек¹⁶.

Создавая унитарную империю, Сталин пристально следил за внешними проявлениями «расцвета национальных культур». Об этом свидетельствует эпизод, произошедший во время выступления народной артистки БССР Л. П. Александровской на XVIII съезде ВКП(б). Говоря по-русски, она процитировала пару строк из стихотворного белорусскоязычного «Письма белорусского народа товарищу Сталину», а потом вновь перешла на русский язык. Тогда Сталин прервал ее репликой: «Говорите по-белорусски», после чего певица закончила выступление на родном языке¹⁷.

Во второй половине августа 1936 г. параллельно с проведением долгосрочной кампании по обсуждению проекта сталинской Конституции была организована акция народной поддержки процесса «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (так называемого первого московского процесса). В ходе многочисленных собраний, которые прошли в разных населенных пунктах БССР, пробуждение ненависти к «готовившим убийство руководителей страны» Г. Е. Зиновьеву и Л. Б. Каменеву дополнилось новым мотивом – «Сталин в опасности». В газетах появились статьи с характерными названиями: «Никакой пощады подлой банде троцкистско-зиновьевских террористов», «Спасибо славным чекистам», «Жизнь Сталина дороже всего на свете» и т. п.¹⁸ Таким образом, разжигание политического насилия сопровождалось высказыванием чув-

¹²Громаў С. На кватэры старога рабочага // Звязда. 1936. 1 верас. (№ 200). С. 2.

¹³Звязда. 1936. 17 чэрв. (№ 137). С. 2.

¹⁴Там жа. 18 чэрв. (№ 138). С. 2.

¹⁵Пеўзнер. На кватэры ў парторга // Звязда. 1936. 28 лістап. (№ 272). С. 4.

¹⁶НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12309. Л. 61.

¹⁷Александровская Л. П. Нас слухаў Сталін // Работніца і калгасніца Беларусі. 1939. № 8. С. 2.

¹⁸Звязда. 1936. 21 жн. (№ 191). С. 1.

ства народной любви, заботы о Сталине, который на этот раз выбрал для себя маску жертвы.

Во время Большого террора 1937–1938 гг. репрезентации образа Сталина в СМИ стали более сдержанными, что, возможно, объяснялось его нежеланием ассоциироваться с массовыми репрессиями. Примечательно, что увеличение репрезентаций вождя, связанное с появлением одного из важнейших произведений сталинской пропаганды – «Краткого курса истории ВКП(б)», совпало со свертыванием

Большого террора осенью 1938 г. Отредактированный Сталиным «Краткий курс истории ВКП(б)» предложил не только коммунистам, но и всему населению страны его личную версию истории партии большевиков. Сталин и его окружение были представлены настоящими марксистами-ленинцами, организаторами всех побед и свершений партии и государства, а их политические оппоненты (Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев, Рыков) – врагами марксизма и Советского государства, иностранными агентами.

Мифы и маски

Г. Джилл заметил, что сталинскими идеологами активно использовались все три универсальных компонента, из которых состоит большинство мифов мира, а именно: заговор сил зла против добрых людей, наличие спасителя, который отведет от людей силы тьмы, и, наконец, наступление золотого века [10, р. 4]. В качестве сил зла обычно выступало капиталистическое окружение, в роли спасителя и защитника народа предстал Сталин, а золотым веком должен был стать коммунизм. Таким образом, в советской мифологии миф о Сталине занимал важное, центральное место. Он состоял из ряда второстепенных мифов или масок, которые вождем надевал в зависимости от времени и обстоятельств.

Одну из мифологем, которая весьма активно внедрялась в массовое сознание белорусского советского общества, можно определить как «Сталин – создатель белорусской государственности». Окончательно эта мифологема сложилась к 1936 г., когда Институт истории партии при ЦК КП(б)Б во главе с директором С. В. Поссе подготовил документальный сборник «Сталин и образование КП(б)Б и БССР»¹⁹. Из него следовало, что именно Сталину, как нарком по делам национальностей РСФСР, в 1918 г. принадлежала идея создания белорусской компартии и советской республики, а в 1919–1920 гг. именно под его руководством КП(б)Б и БССР выстояли в борьбе с белополяками.

В ходе подготовки сборника «Сталин и образование КП(б)Б и БССР» сотрудникам Института истории партии пришлось выполнить большой объем работы по сбору и цензурированию свидетельств участников тех событий. Некоторые из свидетельств, сохранившиеся в первоначальном виде до наших дней, позволяют провести деконструкцию этого политического мифа. Так, из воспоминаний председателя Белорусского областного комитета при Всероссийском Совете крестьянских депутатов Е. С. Канчера следует, что роль Сталина в сложном процессе становления белорусской советской государственности была преимущественно технической. Принципиальное согласие на создание «бело-

русской автономной ССР» Е. С. Канчер получил на аудиенции у Ленина в Смольном в ноябре 1917 г. [25, с. 93]. Образ Сталина-администратора, который рисует мемуарист, иногда приобретает даже негативную окраску. Примером этого может быть его неспособность обеспечить выполнение собственных распоряжений, как это было во время разгона Областным исполнительным комитетом Западной области и фронта Первого Всебелорусского съезда.

Как следует из сделанных сотрудниками Института истории партии копий телеграмм и стенограмм телефонных разговоров Сталина периода образования ССРБ, в последние дни 1918 г. его роль сводилась преимущественно к урегулированию конфликта между председателем первого правительства ССРБ, национал-коммунистом Д. Ф. Жилуновичем, и председателем Центрального бюро КП(б)Б, интернационалистом А. Ф. Мясниковым. Эту роль арбитра передает следующая телеграмма Сталина А. Ф. Мясникову: «Сегодня приезжают в Смоленск белорусы. Везут с собой манифест. Просьба ЦК партии и Ленина принять их как младших братьев, может быть и неопытных, но готовых отдать свою жизнь партийной и советской работе»²⁰. В начале января 1919 г., когда конфликт между Д. Ф. Жилуновичем и А. Ф. Мясниковым вступил в горячую фазу, нарком по делам национальностей пообещал вмешаться в него лично: «Я откладываю приезд в Минск дней на 10, когда вернусь из поездки, буду у вас. Ведите себя спокойно, не деритесь, или будет плохо»²¹. Из контекста телеграмм и телефонных разговоров следует, что степень влияния Сталина на А. Ф. Мясникова была ограниченной. В то же время, если Д. Ф. Жилунович пытался проявить даже малейшую инициативу в конструировании правительства ССРБ, Сталин его жестко останавливал, требуя беспрекословного повиновения ЦК.

Еще более спорным образ Сталина – участника советско-польской войны 1919–1920 гг. предстает в воспоминаниях ее участников, собранных в Институте истории партии при ЦК КП(б)Б. Ветеран Гражданской войны И. С. Саватьев, которого вес-

¹⁹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10865. Л. 5.

²⁰Там же. Ф. 591. Оп. 1. Д. 216. Л. 5.

²¹Там же. Л. 14.

ной 1919 г. член Революционного военного совета Западного фронта Сталин назначил на должность заместителя председателя минской ЧК, так вспоминал организованные по инициативе и методике его покровителя зачистки гражданского населения в прифронтовой зоне: «Вырывали контрреволюцию и доставляли ее в Минск в Чрезвычайную Комиссию на Подгорной улице. Весь двор был забит ими. Здесь были и княжеские дочери, и беженцы со всех концов страны, и попы, и ксендзы, и купцы, и просто черная сотня. Всех их пускали в расход. Приводят – ночью уже нет... Однажды ночью расстреляли офицеров, попали под расстрел еще какие-то контрреволюционеры, отвезли этих расстрелянных на еврейское кладбище. Закопали, но плохо, ботинки были видны. Целый скандал получился. Потом закопали должным образом... Сталин живо интересовался нашей работой, давал ряд ценных практических указаний, подбадривал в те минуты, когда поляки отбивали у нас арестованных, настойчиво требовал самой суровой расправы с контрреволюцией на месте. Этих месяцев совместной боевой работы с вождем мне не забыть никогда»²².

Желание Сталина стать «важнейшим действующим лицом» и «героем», который участвовал в ключевых событиях революционного эпоса, высшая партноменклатура почувствовала уже в 1936 г. Именно тогда по согласованию секретаря ЦК КП(б)Б Н. Ф. Гикало с наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежовым к делу московского троцкистского центра была присоединена группа сотрудников редакции газеты «Звезда» во главе с заведующим культотделом Л. Я. Розенблюмом. Последний во время командировки в Сталинград получил от бывших участников обороны Царицына неприемлемые сведения о Сталине, что стоило ему жизни²³.

Сразу после появления «Краткого курса истории ВКП(б)» сложилась тенденция к абсолютизации его положений, формулировок и выводов. А 14 сентября 1938 г. появилось решение бюро ЦК КП(б)Б «Об изучении истории ВКП(б)», где пропаганда новой книги была определена как «центральная задача всех партийных органов и руководителей». Секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко отдал распоряжение создать с этой целью курсы и семинары пропагандистов при всех горкомах и райкомах партии²⁴. Также 11 января 1939 г. вышел приказ Комитета по делам высшей школы при СНК СССР о введении преподавания во втором семестре 1938/39 учебного года нового предмета «Основы марксизма-ленинизма».

В некоторых вузах, например в Минском пединституте имени Горького, в дополнение к этому предмету вводился спецпредмет «Краткий курс истории ВКП(б)»²⁵. С октября 1938 г. по заранее определенным дням коллективное изучение сталинской «библии»²⁶ началось на всех предприятиях, в колхозах и учебных заведениях. Газета «Звезда» печатала ее по главам из номера в номер. Государственное издательство БССР в помощь изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)» издало его тиражом 400 тыс. экземпляров, из которых 150 тыс. – на белорусском языке²⁷. Новые экспозиции, посвященные отдельным главам «Краткого курса истории ВКП(б)», появились в Музее революции БССР, Доме-музее I съезда РСДРП, областных краеведческих музеях²⁸.

В конце 1938 г. арсенал методов и приемов внедрения в массовое сознание культа Сталина обогатился проведением паломничеств советских граждан на его родину, в город Гори, где уже существовал музей вождя. Расчет идеологов был прост: в условиях фактического запрета религии использовать, наполнив новым содержанием, христианский обычай поклоняться местам и святыням, связанным с Христом, Богородицей, апостолами. Отдел пропаганды и агитации ЦК формировал группы паломников в соответствии с их социальной, профессиональной, а также возрастной принадлежностью. В течение 1939 г. за государственный счет Гори посетило около 350 лучших белорусских рабочих, колхозников, учителей, художников, комсомольцев и пионеров²⁹. К менее почитаемым местам паломничества относились Музей обороны Царицына в Сталинграде, Музей Авлабарской типографии в предместье Тбилиси и Беломорско-Балтийский канал имени Сталина.

В сентябре 1939 г. в официальной пропаганде появился новый образ Сталина – «освободителя рабочих из-под ига польских панов и капиталистов», «объединителя белорусского народа». С помощью таких эпитетов руководство БССР во главе с П. К. Пономаренко поздравляло вождя с его 60-летием. Сразу после присоединения западнобелорусских земель к БССР началась советизация местного населения, его перевоспитание в «новых людей» – верных носителей партийной идеологии, активных участников пропагандистских кампаний, безупречных исполнителей приказов сверху. Одним из наиболее эффективных инструментов преобразования «западников» в новых советских граждан был культ вождя. Осенью 1939 г. поэты Советской Белоруссии прочитали им стихи, а артисты филармонии спели песни о Сталине,

²²НАРБ. Ф. 60п. Оп. 1. Д. 139. Л. 31, 39, 42.

²³Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10204. Л. 8.

²⁴Там же. Д. 12924. Л. 1.

²⁵Там же. Д. 12968. Л. 6–9.

²⁶С 1938 по 1956 г. «Краткий курс истории ВКП(б)» был издан 301 раз в количестве 42 816 000 экземпляров на 67 языках.

²⁷НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 14895. Арк. 158.

²⁸Музей рэвалюцыі БССР у новым будынку // Звезда. 1939. 6 ліп. (№ 153). С. 2; Самсонаў Г. Выстаўка па гісторыі ВКП(б) // Звезда. 1939. 3 верас. (№ 201). С. 2.

²⁹Экспурсіі і падарожжы па СССР // Звезда. 1939. 27 сак. (№ 70). С. 4.

библиотекари передали более 100 тыс. экземпляров «Краткого курса истории ВКП(б)» и «Вопросов ленинизма», музейные сотрудники показали передвижную выставку о революционной деятельности вождя, Белгоскино направило 60 автопередвижек, которые показывали «Доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов»³⁰.

На торжественных митингах, которые прошли в Гродно, Белостоке, Лиде, Новогрудке, Барановичах и других населенных пунктах, стоя под портретами вождя, рабочие выражали единодушное желание жить «под солнцем сталинской Конституции»³¹. За «освобождение от панского гнета» благодарили Сталина все депутаты Народного собрания Западной Белоруссии, которое состоялось 28 октября 1939 г. в Белостоке³². Третья внеочередная сессия Верховного

Совета БССР, на которой 14 ноября 1939 г. Западную Белоруссию на законодательном уровне принимали в состав БССР, закончилась также принятием письма Сталину, в котором выражалась признательность за «освобождение братьев и счастливое будущее»³³.

Об эффективности советской пропаганды и быстрой усвоенности «языка культа» бывшими гражданами Второй Речи Посполитой свидетельствует заявление виленского часового мастера Э. Шейкера, поданное в Пинский городской отдел ЗАГСа 25 октября 1939 г. В своем заявлении часовщик просил дать ему развод с проживавшей в Пинске П. Черной в связи с ее «буржуазным, эксплуатирующим и ростовщическим характером» и помочь «связаться с невестой чистой пролетарской души под солнцем сталинской Конституции»³⁴.

60-летний юбилей

60-летие Сталина отмечалось на всех уровнях как государственный праздник. Вождя поздравляли партийные, комсомольские и профсоюзные собрания, съезды передовиков, совещания ученых и пионерские слеты. В середине декабря 1939 г. «Звезда» начала печатать иллюстрированную биографию Сталина³⁵. Три номера – от 21, 22 и 23 декабря – главная белорусская газета посвятила юбилею полностью. Основное место в этих номерах занимали поздравления партийных и советских руководителей, иностранных политиков, а также ученых, писателей, художников и, конечно, обычных строителей социализма. Среди прочих Сталина поздравил рейхсканцлер Германии А. Гитлер³⁶. Юбиляр отправил ему в ответ любезную благодарность³⁷.

В преддверии своего 60-летия Сталин начал приобретать (особенно в поэтических репрезентациях) божественные качества. На страницах газеты «Літаратура і мастацтва» Я. Купала поздравил юбиляра стихотворением «Сталіну мудраму», Я. Колас – «Правадыру і настаўніку», а П. Пестрак – «Дума пра Сталіна». З. Бядуля написал рассказ «Песня», посвященный встрече западнобелорусского батрака Василия Панасюка с вождем в Кремле: «Сталин такой близкий и простой. В его волосах светится серебро шестидесяти лет, а в его глазах – мудрость всего мира. Ласковым взглядом смотрит он на Василия. Знает ли Сталин его жизнь? Знает»³⁸.

Журнал «Работніца і калгасніца Беларусі» помещал рассказы женщин, которые видели юбиляра вживую. Депутат Верховного Совета БССР гомельчанка Прудникова запомнила его таким: «Я вижу очень близко нашего великого Сталина, всматриваюсь в его лицо. Какое мужественное спокойствие, какая величественная мудрость, какая замечательная скромность. Он видит, что каждому из нас нужно. Кажется, я бы обняла его, как сына, и сказала: “Ты – наше счастье, ты – наш день, наше солнце, под которым вырастают миллионы прекрасных людей”... Я очень хотела подойти к нему, чтобы поблагодарить за все, все... Волновалась. Вдруг осмелилась. Быстро поднялась на ступеньки, направилась к товарищу Сталину. Вместе со мной поднялась известная колхозница Мария Демченко. Подошел товарищ Сталин. Сердце сильно билось. Я сказала: “Спасибо за школу, за детей. Они – самые счастливые. Они окружены Вашей заботой”. Глубокие добрые глаза ласково смотрели, губы улыбались и отвечали всем одновременно: “Хорошо работайте, любите работу”»³⁹.

Главной площадкой празднования юбилея в БССР стал Государственный театр оперы и балета, где 21 декабря состоялось собрание партийного актива Минска. Его открыл второй секретарь ЦК КП(б)Б В. Н. Малин речью о жизни и деятельности Сталина, о награждении его звездой Героя Социалистического Труда. Подобные собрания партактива про-

³⁰Кінаперасоўкі для Заходняй Беларусі // Звезда. 1939. 16 лістап. (№ 264). С. 4.

³¹Мы хочам жыць і працаваць пад сонцам сталінскай Канстытуцыі – аднадушна заяўляюць працоўныя Заходняй Беларусі // Звезда. 1939. 9 кастр. (№ 233). С. 2.

³²НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13757. Л. 1–274.

³³Звезда. 1939. 15 лістап. (№ 263). С. 1.

³⁴НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14810. Л. 72.

³⁵Звезда. 1939. 14 снеж. (№ 287). С. 2.

³⁶Там же. 1939. 23 снеж. (№ 295). С. 4.

³⁷Там же. 25 снеж. (№ 297). С. 4.

³⁸Бядуля З. Песня // ЛіМ. 1939. 21 снеж. (№ 42). С. 2.

³⁹Пруднікава. Незабўўнае // Работніца і калгасніца Беларусі. 1939. № 24. С. 14.

Иллюстрация из газеты «Звезда» от 11 июля 1939 года
The illustration published in July 11, 1939 «Zvjazda» newspaper issue

шли и в других городах БССР⁴⁰. В Доме Красной армии организовали литературно-музыкальный вечер, в Политехническом институте – юбилейную научную конференцию, а в Медицинском институте – научную сессию. Выставки, посвященные юбилею Сталина, открылись в минском Доме партактива, могилёвской городской библиотеке, витебском историческом музее. По приказу отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б передвижные юбилейные выставки направились в крупнейшие города западной части БССР. А 22 лучших белорусских стахановца премировали поездкой на родину юбиляра в Гори⁴¹.

Согласно уже сформированной традиции поздравлять вождя следовало прежде всего великими свершениями. Старший экономист планового

отдела Белостокской железной дороги М. А. Римшеня писал Сталину: «В день Вашего 60-летия присоединяюсь к пламенному приветствию и пожеланиям всех граждан Союза и беру обязательство, работая сейчас по 6,5–7 часов в сутки, работать столько же времени в день бесплатно до конца жизни моей, и пусть остальные мобилизуются так же, как я»⁴².

Главный подарок к 60-летию Сталину готовила Красная Армия: военачальники пообещали ему молниеносную победу над маленькой соседней Финляндией. Однако одолеть финскую армию за обещанные две недели они так и не смогли. Война приобрела затяжной и кровопролитный характер, что создавало не лучший фон для дальнейшего конструирования культа.

⁴⁰Сход партактива Мінска // Звезда. 1939. 22 снеж. (№ 294). С. 4.

⁴¹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15508. Л. 183.

⁴²Там же. Д. 14814. Л. 54.

Заклучение

Кульٹ Сталина, зародившийся в дни празднования его полувекового юбилея, как самостоятельный социальный феномен сложился на протяжении второй половины 1930-х гг. Дополненный неограниченным насилием, он не менее эффективно, чем марксистская доктрина, мобилизовал общество на поддержку советского тоталитарного режима. Культ вождя коренился в традиционном, архаическом обществе и имел иррациональные начала, что наглядно иллюстрировала вся советская политическая культура. Главным инструментом его конструирования была

партийная бюрократия – подлинный правящий класс советского общества. Культ внедрялся с помощью пропагандистской машины и представлял, по сути, государственную религию с собственными священными текстами, догматами, ритуалами, обрядами, праздниками и святынями. В культовом формировании массового сознания были задействованы СМИ, литература, кино, театр, массовые действия вроде парадов физкультурников. Вождь представлялся центральным идентификационным символом режима – отцом, учителем, создателем светлого будущего.

Библиографические ссылки

1. Каменская НВ. О некоторых вопросах развития исторической науки в Белоруссии. *Вопросы истории*. 1960;11: 159–167.
2. Кучынскі УА, Маргунскі СП. Народны суверэнітэт – аснова канстытуцыйнага будаўніцтва ў сацыялістычнай дзяржаве. *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук*. 1964;4:21–28.
3. Шыкуноў ВС. Развіццё пракуратуры БССР за гады Савецкай улады. *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук*. 1967;4:94–102.
4. Костюк МП. *Большевицкая система власти в Беларуси*. Москва: Институт российской истории РАН; 2002. 340 с.
5. Платонаў РП. *Палітыкі. Ідэі. Лёсы. Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20–30-х гадоў*. Мінск: БелНДЦДАС; 1996. 382 с.
6. Протьюко ТС. *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.)*. Минск: Тесей; 2002. 688 с.
7. Троцкий ЛД. *Сталин. Том 2*. Москва: Терра; 1996. 285 с.
8. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press; 1965. 439 p.
9. Ennker B. Politische Herrschaft und Stalinkult, 1929–1939. In: Plaggenborg S, editor. *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte*. Berlin: Verlag Arno Spitz; 1998. S. 151–184.
10. Gill G. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. 356 p.
11. Morgan K. *International communism and the cult of the individual: leaders, tribunes and martyrs under Lenin and Stalin*. London: Palgrave Macmillan; 2017. 363 p.
12. Rees EA. Leader cults: varieties, preconditions and functions. In: Apor B, Behrends JC, Jones P, Rees EA, editors. *The leader cult in communist dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc*. New York: Palgrave Macmillan; 2004. p. 3–26.
13. Rolf M. Working towards the centre: leader cults and spatial politics in pre-war Stalinism. In: Apor B, Behrends JC, Jones P, Rees EA, editors. *The leader cult in communist dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc*. New York: Palgrave Macmillan; 2004. p. 141–157.
14. Плампер Я. *Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве*. Москва: Новое литературное обозрение; 2010. 496 с.
15. Pisch A. *The personality cult of Stalin in Soviet posters, 1929–1953: archetypes, inventions and fabrications*. Canberra: ANU Press; 2016. 516 p.
16. Штёплер Б, Зуппан А. «Революция св ерху» и культ Сталина. В: Носов БВ, редактор. *Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова*. Москва: Индрик; 2000. с. 286–305.
17. Kelly C. Riding the magic carpet: children and leader cult in the Stalin era. *The Slavic and East European Journal*. 2005;49(2):199–224. DOI: 10.2307/20058260.
18. Sobanet A. *Generation Stalin: french writers, the fatherland, and the cult of personality*. Bloomington: Indiana University Press; 2018. 312 p.
19. Post JM. Current concepts of the narcissistic personality: implications for political psychology. *Political Psychology*. 1993;14(1):99–121.
20. Ashirova A. *Stalinismus und Stalin-Kult in Zentralasien. Turkmenistan 1924–1953*. Stuttgart: Ibidem-Verlag; 2009. 412 S.
21. Бердяев НА. Религиозные основы большевизма. (Из религиозной психологии русского народа). В: Бердяев НА. *Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг.* Бронникова ВЕ, составитель. Санкт-Петербург: Издательство русского христианского гуманитарного института; 1999. с. 42–52.
22. Eliade M. *Sacrum i profanum: o istocie religijności*. Reszke R, tłumacz. Warszawa: Wydawnictwo KR; 1999. 206 s.
23. Себар Монтефиоре С. *Сталин: двор Красного монарха*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС; 2005. 767 с.
24. Davies S. *Popular opinion in Stalin's Russia: terror, propaganda and dissent, 1934–1941*. Cambridge: Cambridge University Press; 1997. 258 p.
25. Канчер Е. Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам). *Беларуская думка*. 2010;1:92–97.

References

1. Kamenskaya NV. [On some issues of historical research development in Byelorussia]. *Voprosy istorii*. 1960;11:159–167. Russian.
2. Kuchynski UA, Margunski SP. [Popular sovereignty as the basis of constitutional construction in a socialist state]. *Vesci Akademiі navuk Belaruskaj SSR. Seryja gramadskih navuk*. 1964;4:21–28. Belarusian.
3. Shykunow VS. [The development of prosecutors in Soviet Byelorussia]. *Vesci Akademiі navuk Belaruskaj SSR. Seryja gramadskih navuk*. 1967;4:94–102. Belarusian.
4. Kostjuk MP. *Bol'shevistskaya sistema vlasti v Belarusi* [The Bolshevik system of state power in Belarus]. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN; 2002. 340 p. Russian.
5. Platonaw RP. *Palityki. Idzei. Ljosy. Gramadzjanskija pazicyi va wmovah narastannja idjeolaga-palitychnaga dyktatu w Belarusi 20–30-h gadow* [Politics. Ideas. Fates: social positions in the face of growing ideological and political dictate in Belarus in 1920–1930s]. Minsk: Belarusian Archival Science and Records Management Research Institute; 1996. 382 p. Belarusian.
6. Prot'ko TS. *Stanovlenie sovetskoj totalitarnoi sistemy v Belarusi (1917–1941 gg.)* [Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941)]. Minsk: Tesej; 2002. 688 p. Russian.
7. Trotskij LD. *Stalin. Tom 2* [Stalin. Volume 2]. Moscow: Terra; 1990. 285 p. Russian.
8. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge: Harvard University Press; 1965. 439 p.
9. Ennker B. Politische Herrschaft und Stalinkult, 1929–1939. In: Plaggenborg S, editor. *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte*. Berlin: Verlag Arno Spitz; 1998. S. 151–184.
10. Gill G. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. 356 p.
11. Morgan K. *International communism and the cult of the individual: leaders, tribunes and martyrs under Lenin and Stalin*. London: Palgrave Macmillan; 2017. 363 p.
12. Rees EA. Leader cults: varieties, preconditions and functions. In: Apor B, Behrends JC, Jones P, Rees EA, editors. *The leader cult in communist dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc*. New York: Palgrave Macmillan; 2004. p. 3–26.
13. Rolf M. Working towards the centre: leader cults and spatial politics in pre-war Stalinism. In: Apor B, Behrends JC, Jones P, Rees EA, editors. *The leader cult in communist dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc*. New York: Palgrave Macmillan; 2004. p. 141–157.
14. Plamper J. *Alkhimiya vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [The alchemy of power. The Stalin cult in a fine art]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2010. 496 p. Russian.
15. Pisch A. *The personality cult of Stalin in Soviet posters, 1929–1953: archetypes, inventions and fabrications*. Canberra: ANU Press; 2016. 516 p.
16. Shtjoppler B, Zuppan A. [«Revolution from above» and cult of Stalin]. In: Nosov BV, editor. *Slavjanskije narody: obshhnost' istorii i kul'tury. K 70-letiju chlena-korrespondenta Rossijskoj akademii nauk Vladimira Konstantinoviča Volkova* [Slavic peoples: community of history and culture. To the 70th anniversary of corresponding member of the Russian Academy of Sciences Vladimir Volkov]. Moscow: Indrik; 2000. p. 286–305. Russian.
17. Kelly C. Riding the magic carpet: children and leader cult in the Stalin era. *The Slavic and East European Journal*. 2005;49(2):199–224. DOI: 10.2307/20058260.
18. Sobanet A. *Generation Stalin: french writers, the fatherland, and the cult of personality*. Bloomington: Indiana University Press; 2018. 312 p.
19. Post JM. Current concepts of the narcissistic personality: implications for political psychology. *Political Psychology*. 1993;14(1):99–121.
20. Ashirova A. *Stalinismus und Stalin-Kult in Zentralasien. Turkmenistan 1924–1953*. Stuttgart: Ibidem-Verlag; 2009. 412 S.
21. Berdjaev NA. [The Religious Foundations of Bolshevism. (From the Religious Psychology of the Russian People)]. In: Berdjaev NA. *Duhovnye osnovy ruskoj revolucii. Opyty 1917–1918 gg.* [Spiritual foundation of the Russian revolution. Experiences of 1917–1918s]. Bronnikova VE, compiler. Saint Petersburg: Izdatel'stvo russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta; 1999. 429 p. Russian.
22. Eliade M. *Sacrum i profanum: o istocie religijności*. Reszke R, tłumacz. Warszawa: Wydawnictwo KR; 1999. 206 s.
23. Sebag-Montefiore S. *Stalin: dvor Krasnogo monarkha* [Stalin: the court of the Red tsar]. Moscow: OLMA-PRESS; 2005. 764 p. Russian.
24. Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia: terror, propaganda and dissent, 1934–1941*. Cambridge: Cambridge University Press; 1997. 258 p.
25. Kančer E. [From the history of the Civil War in Byelorussia in 1917–1920 (written on memories, personal records and documents)]. *Belaruskaya dumka*. 2010;1:92–97. Russian.